

Евгения ГОЛОВНЯ:

«ЗАГЛЯНИТЕ В СЕБЯ»

С кинорежиссером-документалистом Евгенией Викторовной Головной — просто Женей — я знакома давно, но и не виделись мы тоже порядочно. За это время, кроме известной мне ленты «Лимита, или Четвертый сон», она сняла фильм «Изменница», стала художественным руководителем студии «Эго» Всесоюзного центра кино и телевидения для детей и юношества и приступила к работе над картиной «Вся власть любви». Я ликовала: какая удача! Первый день весны, яркое солнце в окне, и мы будем говорить о любви... О ней мы и говорили. Вот только далеко не праздничным получился этот разговор.

— Если попытаться обнаружить в моих фильмах, снятых и находящихся в работе, общее, то окажется, что они так или иначе подчинены одной мысли: не может быть свободным общество, если в нем несвободна женщина. А кульминационно — или даже проще: буквально — она звучит в фильме «Изменница», где речь идет о бывших узницах Акмолинского лагеря жен изменников родины.

Этот сюжет я носила в себе, без преувеличения, целую жизнь. Моя бабушка — в прошлом актриса немого кино — провела в этом лагере восемь лет. И ее рассказы в моих отрывочных детских воспоминаниях свидетельствовали о чудовищном разломе женской души, о поруганной чести, об исковерканных судьбах...

Но вот я работаю над фильмом, встречаюсь, бесеую с его героинями — Лидией Френкель, Оксаной Козьминой, другими, и — боже, что делает время! — они вспоминают только светлое из той страшной поры. Дружбу, позволившую выстоять, «клуб на нарах», когда при свете крохотных фитильков в выдолбленных картофелинах вспоминали и сочиняли стихи, на расческах исполняли музыку — вплоть до Баха, рисовали на обрывках бумаги... Ужасы лагерного быта, допросы, непосильная работа, смерть — об этом только в общем, без деталей. Даже начальник лагеря, охрана, замполит в пересказе этих женщин представляли людьми. Ненависти к ним не было.

Оксана Козьмина объехала места своего заключения, встретила с бывшим начальником лагеря Бариновым. Встретила как с другом, как с близким родственником. Да, он не был злым человеком, не был извергом — просто нес свою службу, был «винтиком» той страшной системы... И я поняла своих героинь: это мудрость и прозрение любви говорили в них, они приходят с годами.

— Любое прошлое имеет проекцию в будущее. Оно для того и нужно, чтобы увидеть и предостеречь. Тем более что концентрированная несвобода тех лет не могла вдруг изжитися нашим обществом...

— Работая над «Изменницей», я копнула очень глубоко и увидела — и меня ужаснуло это открытие, — что состояние женщины с тех пор так и не изменилось, она так и осталась несвободной. Время ушло вперед, но при внешней свободе — решеток-то нет! — освобождения духа так и не произошло. Все те же страшные проблемы стоят перед каждой из нас. Зарождение любви может быть прервано бытовыми, лишь на поверхностный взгляд несущественными, на самом деле такими разрушающими причинами. Жив и усиливается страх за детей: их порой не знаешь, чем накормить, и уж, конечно, не ведаешь, кому их верить. И по-прежнему каждая лишена будущего, опять нам твердят: подождите! Как это похоже на финальную сцену фильма: «Сколько же можно ждать?» — спрашивает моя героиня. Изменилось ли что-нибудь сейчас? Мы опять ждем... Но человеческая жизнь уникальна, и каждый — каждая! — хочет прожить свою жизнь не в ожидании, а в воплощении.

Японцы говорят: «Счастье в соответствии». Трагичность положения наших женщин, на мой взгляд, в несоответствии самим себе. Почему я, работающий человек, всю душу вкладывающий в свое дело, по отношению к своим коллегам-женщинам за рубежом в трудном, ущербном положении? Почему каждый день мое правительство, моя страна доказывают мне мою несостоятельность: мне дают дотации, меня подкармливают, вручают карточки, талоны? Почему я как личность не могу вырваться из этих оков, сама себя обеспечить? Принудительная система распределения, перевернутые ценности, когда только авантюрист или нечистоплотный человек может все получить от нашей системы, невозможность честным трудом реализовать себя... Да это та же несвобода, та же решет-

ка, тот же лагерь. И самое страшное: бесплодность наших усилий отражается на наших детях. Следующее за нами поколение лишено чувства борьбы, оно заражено апатией, неверием...

— И выхода нет?

— Кажется, единственное, что остается нам сейчас, — это возможность любить друг друга. Парадоксально звучит после всего сказанного? И все же, все же... Я убедилась в этом, погрузившись в работу над фильмом «Вся власть любви». Это не эротическая, не сексуальная картина. В документальной, очень сложной по форме ленте я пытаюсь прожить кусок жизни со своими героями — несколькими любящими парами.

Каждый человек хочет любить и каждый нуждается в любви. Слава богу, стремление любить еще не убито в нас, хотя наше общество разрушает и это. Но умеем ли мы любить? И что для этого нужно? Я и сама должна как-то вещи понять. Вот я наблюдаю, как мои взрослые уже дочери бесконечно пошутливо-полутревожно теребят меня: мама, ты меня любишь? Потребность в любви, ласке, нежности не ослабевает. Могут быть тысячи разных определений любви, но ни первое, ни тысячное — не истина. Надо дарить другому радость, и верить, что... любовь спасет мир. Да-да, любовь! Сейчас наш народ дико озлоблен. Ежедневно, ежечасно мы сталкиваемся с материализованной агрессией, тупой злостью. И что ж? Да к милому на плечо. Оптимизм мой состоит в том, что ям давно наблюдаю: влюбленный человек — непременно добрый. Моя приятельница — уже солидная дама — когда влюблена, поет и скачет на одной ножке. Для нее любовь — праздник души, да, конечно, «труд души», но все-таки светлый труд... Любовь приводит и к ревности, и к убийствам, но это все крайности, а в основе ее, верю, все-таки доброта...

— Для многих «уход в любовь» становится сейчас неким протестом против угрожающих реалий повседневной жизни...

— Один из ребят, с кем я работаю в фильме, попытался изолироваться от действительности своим, выдуманым миром. Он художник, он живет в образах — очень светлых. Когда я ухожу от него, у меня тепло на душе. Конечно, и у него есть проблемы со своей любимой, да и жизнь растаскивает в разные стороны выстроенный хрупкий мир... Но если у человека есть потребность в красоте, нежности, духовности — пусть он строит его, это лучше, чем агрессия, насилие, грязь.

Мне думается, сегодня было бы ошибкой говорить о каких-то общих, глобальных вещах. Мы в этом уже запутались. Каждый день поднимаем новые пласты и с ужасом видим, что под ними — бездна. И все в нее рушится, валится, не имея опоры.

Пусть же каждый человек найдет в себе силы и какой-то свет, и какое-то успокоение. Я не политик, не экономист, и единственным выходом для себя и других вижу в возможности заглянуть в себя. Рецепты, рецепты: будьте добры, будьте... Как это банально! Но чуть-чуть разве не стоит попытаться? Одна старая женщина учила меня когда-то: «А ты выйди на полшага сама из себя и посмотри, что ты собой представляешь». И ведь помогает! Бывает, чего греха таить, нахожусь в крайне нервном, даже озлобленном состоянии, но стараюсь со стороны взглянуть: «А ведь некрасиво я в этой ситуации выгляжу...» Или думаю: надо идти средним путем — в слащавую эйфорию не впадать и злость не пестовать. Это еще древние индийцы советовали...

Конечно, постоянный самоанализ — это трудное занятие. А верить, что сразу перейдешь в какое-то иное качество — не разумно. Но понять, что многое суетно, и главное, не потерять человеческого облик, не мешать всем нам — и мужчинам, и женщинам.

Беседу вела
Ирина МЕДВЕДЕВА.